

КАРТОТЕКА КАЗАЧЬИХ СКАЗОК О ПРИРОДЕ ДОНСКОГО КРАЯ

Подготовила учитель-логопед Богачева В.Г.

ПОЧЕМУ НА ОСИНЕ ЛИСТ ДРОЖИТ

Всегда, и когда ветра нет и тишина стоит, на белой осине лист трепещет и дрожит. Всегда на этом дереве бьется лист, когда ни погляди на него. Случилось это после того, как Кондрата Булавина предали, воеводам его за сто целковых продали. Нашлись в Черкасске иуды да предатели тер да ер, да Ванька-вор, да Федька-резак, да жила Епишка, да прижимистый Мишка - низовский казак. Вся эта шайка до денег была жадная, за медный пятак не то что соседа, отца родного самому черту продать была готова. Все они в Черкасске в то время возле Кондрата были, все возле него всё крутились, линьками вились. Все выглядывали да высматривали и не в торбах, а на своих языках к воеводам царским таскали. Те все думали да смекали.

Простой бесхитростный был человек Кондрат, открытая душа у него была, не приглядывал он за ними и ничего не замечал, нужно бы было за каждым в десять глаз глядеть, день и ночь сторожить. Ночью воевод с солдатами они тайком, воровски, в Черкасск привели. Всех верных казаков ему перебили, самого Кондрата в доме окружили, в полон взять живым хотят. Но не мог он позора такого принять, в руки воеводам царским отдаться. Взял свой турецкий пистолет, вынул его из-за пояса и весь заряд себе в самое сердце всадил. Гордый человек был, настоящий прирожденный казак.

Как помер Кондрат, так все иуды да предатели - тер да ер, да Ванька-вор, да Федька-резак, да жила Епишка, да прижимистый Мишка - низовский казак, к воеводам царским пришли награды себе за свои подлые дела просить. Сулили им воеводы царские, когда жив Кондрат был, целый бочонок золота дать, какой вот-вот должны были не нынче, так завтра из Москвы привезти.

А когда он умер, так они их не очень жаловать стали, на всю шайку, как псам, кинули сто серебряных целковых, отвяжитесь от нас да не лезьте. Когда иуды да предатели эти сто целковых от воевод царских получили, то сообща до времени решили их схоронить, в землю зарыть. Боялись, как бы казаки по этим деньгам о их подлых делах не догадались. Тогда им всем несдобровать, живыми не быть, голов на своих плечах не сносить.

Все ночью они уговорились, за Черкасск, потаясь, вышли, сто этих серебряных целковых в чугунный казанок положили и под осиной поглубже зарыли, чтобы после их легче было найти.

Знамое дерево белая осина, и в лесу ее далеко всегда и днем и ночью видно. Зарыли они клад и идут себе преспокойно все в Черкасск назад. Промеж себя речи гутарят, а навстречу им казаки, они все уже про них прознали и проведали. Слово им сказать не дали, всех похватили, руки и ноги веревками повязали, посовали в кули и в Дон с высокого яра в самую глубь покидали.

Все в Дону и утонули - и тер, и ер, и Ванька-вор, и Федька-резак, и жила Епишка и прижимистый Мишка - низовский казак, - ни одного иуды да предателя в живых казаки не оставили, ни один из Дона не выплыл. Утонули иуды да предатели, и где клад их зарыт, никто не знал, да больно-то о нем никто и не дознавался. Так он на веки вечные там и остался под осиной лежать.

Вот почему, казаки, на белой осине лист всегда трепещется и дрожит, потому что под нею иудами да предателями нечистый их клад зарыт.

ОДОЛЕНЬ-ТРАВА

Все это было у нас на Дону в незапамятные времена. В ту пору степи наши звались Диким полем. Везде, куда ни глянь, ковыли да травы высокие, а среди них пролегал Ногайский шлях. Татары по тому шляху на Русь ходили. Жилья нигде не заметишь, лишь по-над самым Доном да по-над речками, его притоками, редко-редко стояли казачьи городки. В них и днем и ночью начеку казаки, на карауле. Врага на себя каждый час ждали. Налетят враги из степи, а казаки отгонят их в степь. А побьют враги казаков - так беда: малых детей да девушек в полон заберут и гонят по Ногайскому шляху к самому Каспийскому морю. Идут девушки-полонянки по шляху, лица у них от солнца да степного ветра черные, сами босые, оборванные, голод и холод терпят. Горе одно, да и только. Но и у них был свой заступник.

На Дону, в затонах, да и в других степных речках каждое лето цветут кубышки - белые лилии. Их по-старинному одолень-травой величают. Она-то вот и была заступницей девушек-полонянок. Как вечер - на воду тут же упадет туман, и пропадут белые лилии. А на берег выйдет старичок, сам сухонький, борода белая, клинышком. В руках черемуховый костылик, за плечами переметная сума.

Шаги у него мелкие, а походка спорая, за одну ночь сто верст пройдет. Глядишь, он уже и у татар объявился. То нищим калекою милостыню просит, то именитым ханским гонцом прикинется, указы от самого хана читает, а то тороватым купцом объявится. И не столько продает, сколько из своей сумы раздаст бархат да шелк даром. Татары-то и рады. А когда он их попросит, чтобы его допустили к девушкам-полонянкам, они ничего, не препятствуют. «Иди», говорят.

Купец поглядит на невольниц, свою переметную суму сбросит с плеч и начнет девушек потчевать медовыми маковками. Потом уйдет. А к вечеру, как станет солнце на закате, он ударится о землю, обернется белым лебедем, крикнет призывным голосом, и тут же все девушки-полонянки превратятся в лебедушек. Кинутся ловить их татары, да где им. Всю ночь лебединая стая в пути. На утренней заре она подлетит к Дону, падет на воду, попьет и выйдет на берег. Станут лебедушки девушками. Глянут на то место, где опустились на воду, а там цветут белые лилии, одолень-трава.

И теперь еще пожилые казаки-станичники, рассказывая это давнее старинное предание, обычно добавляют, как бы невзначай, что русским людям в великой нужде и в трудное время не только одолень-трава, но и каждая травка и былинка, родная матушка-землица помогают.

ЧАЙКА

Старики и те об этом перезабыли. А ведь когда-то все оно было. Тогда Азов был под турками. Крым - под татарами. Татары на конях по степям рыскали, на шашках частенько с казаками переведывались. Казаки же по Азовскому и Черному морям на легких стругах к турецким да к татарским берегам ходили. Громили басурманские города и крепости. Домой назад на тихий Дон возвращались с богатой добычей. Как-то ушел молодой казак с товарищами в море, к далеким турецким берегам. Дома осталась у него молодая жена. Ждет казачка своего муженька из похода, никак не дождется, то и дело поглядывает в окошко.

А казаков буря застигла в море, струг их разбила. Все потонули, лишь муж казачки спасся. Волною его вынесло на пустынный берег, где не оказалось ни одной живой души человеческой, только лишь дикие звери. Запечалился, загорился казак, теперь ему домой ни за что не вернуться, придется пропадать на чужой стороне. Жена ждет его. Прошел год, а о казаке и его товарищах ни слуху, ни духу. Стал казачке не мил белый свет. Решила она - поеду сама к турецкому берегу, разыщу мужа живым или мертвым. Перед тем, как в путь тронуться, зашла к знахарке-ведунье. Та на нее посмотрела, а потом говорит:

- В море бояться тебе нечего, страшись чужого берега. На него не сходи; как твоя нога его коснется - быть беде.

- Ладно, - говорит казачка. Села в лодку и в путь.

Не сразу она попала к пустынному берегу, не сразу там отыскала своего мужа. Когда же его заметила и стала подъезжать к нему, то видит, муж ее под кустом лежит, не то спит, не то мертвый.

Вспомнила казачка тут про наказ знахарки-ведуньи - не сходить на чужой берег. Поближе подплыла и мужа кликать стала. Он же лежит не шелохнется. У казачки все закипело внутри. Забыла она про всякие приказы да наказы, на берег выпрыгнула с лодки. И как только его коснулась, так тотчас же стала птицею, обернулась в чайку. С криком над своим мужем пролетела.

Казак проснулся. Видит, чайка кружит над ним, а возле берега - лодка. Сел он в нее - и домой, а чайка около лодки вьется да кричит так тоскливо и печально. Казаку невдомек, что это жена его птицею обернулась.

С тех пор много в Дону утекло воды, не меньше прошло времени, а и до сих пор никак не может утешиться чайка, всегда она жалобно кричит.

МЕДВЕДЬ

Небогато жил казачок Федосей Алферов. Да это бы ничего, если бы он не повздорил со станичным атаманом. Придрался атаман на смотре, что у Федосея парадный чекмень трачен молью, и перед всеми казаками начал укорять в нерадении к службе. Молчал казак, терпел, а потом и его прорвало, атаману на весь плац брякнул:

- Что ты, старый черт, привязался ко мне, лучше бы на себя поглядел, ведь куда хуже моего парадного чекменя будешь. На морде у тебя черти

горох молотили (атаман рябой был). От такой обиды оторопел атаман. Поначалу от злости не знал, что сказать, потом пригрозил: - Ну, погоди же, узнаешь ты у меня, где раки зимуют. И с этих пор не стало житья Федосею Алферову. В конец загонял его атаман, замучил всякими повинностями да нарядами. Все терпел Федосей. На атамана жаловаться некуда, станешь тягаться, еще в большую беду попадешь. Решил ему он по-своему отплатить.

Подошла осень. Федосей покатил в окружную станицу Урюпинскую на Покровскую ярмарку. Там у цыган променял последнюю пару волов на ученого медведя. Привез его к себе домой, обучил всяким премудростям и на смотр. В станице медведя обрядил в казачьи шаровары с лампасами и в мундир. На голову ему напялил шапку с красным верхом. Ружье в лапы и пашку на ремне. На плац собрались казаки, и Федосей туда. Пустил медведя, а он перед строем казаков и пошел ходить. Ходит, ходит, а потом начнет разные артикулы ружьем выделывать. Казаки себе животы понадорвали от смеха. И не заметили, как из станичного правления вышел атаман.

На плац поглядел и кричит:

- Это что еще там за косолапый дурак казачью службу порочит?
- Знать не знаем, ведать не ведаем! — отвечают ему казаки. Атаман позвал своего помощника и показывает на медведя, обряженного в казачью одежду.

- Взять его и посадить на две недели на гауптвахту. На хлеб и воду! Помощник рад стараться, тут же с полицейскими бросился на плац. Хотели медведя схватить, да где там. Он как на них рявкнет, они кто куда разбежались. Атаман ногами топает, из себя выходит. Орет на весь плац:

- Вязать! Вязать его, буяна!

Медведь глядел на него, глядел да к крыльцу. Поднялся на порожки и к атаману. Атаман еще пуще топает ногами:

- Да я тебя живым не выпущу из острога!

Медведь как зарычит. У атамана шапка с головы свалилась. Назад он пятится. крестится.

- Господи, господи, да что же это такое? Сама нечистая сила! - с крыльца упал, вскочил да бежать.

В этот раз побоялся он и на смотр показаться. Только уж после узнал, что это был медведь. Долго все казаков пытал - чей он? А у них ему всегда один ответ был:

- Знать не знаем, ведать не ведаем!

Все уважали и любили простого казака Федосея Алферова за привет, доброе слово, за его веселые шутки и прибаутки. Так и не выдали его казаки атаману.

ЖАЛОБА НА СОВУ

Собрался станичный атаман посмотреть табунный расход, проверить, как пасутся там косяки лошадей. Распорядился, и тут же подали ему тройку лошадей. Скачет по дороге - пыль клубами, бубенцы заливаются на разные голоса. До табунного расхода было два десятка верст, но атаман враз до него докатил. С дороги отдохнуть вздумал, полость разостлал под дубовым

кустиком, закуску разложил, до самого вечера прохладился. А как село солнце, то приказал собрать весь табун, охота посмотреть ему на коней, как они выглядят.

Быстро собрали табунщики лошадей к дубовому кустику, где на полости, подобрав под себя по-турецки ноги, сидел атаман. Тут же стояла и его тройка.

Атаман поглядывает на лошадей, а в это время вдруг поблизости в диком вишеннике как заорет, заушает сова. У атамана от неожиданности глаза полезли на лоб, он как гаркнет на табунщиков:

- Это что тут у вас за беспорядки! Табунщики оробели, атамана испугались, ни живы, ни мертвы стоят. Один лишь осмелился и еле-еле выговорил:

- Ваше благородие, господин станичный атаман, это тут такая у нас птица - сова.

- Гнать ее вон!

Табунщики рады стараться, тут же кинулись к дикому вишеннику и ну пугать сову. Она вылетела и давай над табуном из стороны в сторону шарахаться. Табун от нее в разные стороны, ни одной лошади не осталось. Атаманская тройкахватила так, что ее только и видели. Пришлось атаману в станицу со своим ямщиком идти пешком. Явился домой атаман.

От атаманши, чтобы она не докучала ему, в горнице заперся и начал писать жалобу на сову: «Его превосходительству господину окружному атаману». Поставил точку, подумал и дальше строчить принялся: «Всепокорнейше прошу вас, ваше превосходительство, привлечь к ответственности и сурово наказать зловредную птицу сову, проживающую на табунном расходе нашей станицы, так как у нас эта птица нарушает порядок, оскорбляет мое атаманское достоинство. Она испугала мою тройку, так что та ускакала от меня в станицу. Мне пришлось унизиться и идти двадцать верст пешком с ямщиком. Поэтому прошу покорнейше не отказать в этой моей просьбе».

Атаман настрочил свою жалобу, подписал, вложил в пакет. Большой сургучной печатью запечатал. Кликнул конно-нарочного, отдал ему и приказал, не жалея коня, тут же скакать в окружную станицу. Так-то вот писал станичный атаман жалобу окружному на сову - птицу крамольную и зловредную.

КОТ И ЛИСА

Жили дед и бабка. У них был кот Бромбеус о двенадцати ус. Ну, такой шкодливый, такой воровливый - прямо беда. То каймак поест, то сметану, то скрадет еще что-нибудь с краю. Вот бабка и гутарит:

- Отвези его, старик, в лес.

Старик запряг лошадку, повез и бросил кота в лесу. Идет кот - навстречу ему лиса, спрашивает:

- Кто ты, добрый молодец, отколь явился?

- Я кот Бромбеус о двенадцати ус, поведу усами - звери падают сами. Прибыл к вам управляющим.

- Пойдем ко мне жить.

Пришли в хатку, кот развалился на лавке и лежит, а лиса на пороге сидит, ждет не дождется гостей. Глядь - волк у порога. Выскочила и говорит: - Нельзя ко мне, у меня живет кот Бромбеус о двенадцати ус. Всем зверям царь, всем зверям государь. Волк испугался, побежал к медведю, рассказал новость и говорит:

- Как бы нам его посмотреть? Давай быка зарежем и позовем кота на обед. Зарезали быка, мяса наварили. А их четыре друга: медведь, волк, кабан и заяц. Думают, решают: кому же идти приглашать?

- Тебе, медведь, идти, ты самый сильный! - говорит волк.

- Я сильный, да не резвый!

- Придется тебе, заяц, идти, ты резвый, - говорит кабан.

- Я резвый, да не смелый!

Но делать нечего, согласился заяц, побежал приглашать. Прибегает, стучит:

- Лиса, пусть кот Бромбеус о двенадцати ус на обед идет.

Сказал заяц - и наутек. Забился в терн, кабан закопался в листья, волк залез в берлогу, а медведь влез на дуб.

Пришел кот, сел на казан с мясом, ест и мурчит: «Мяур, мяур». А те слышат: «Мало сварили, мало сварили». Повернулся кабан в листьях - хотел хоть глазом на кота глянуть, а тот как прыгнет, хватить за хвост - и оторвал. Медведь с испугу упал с дуба, все ребра помял, волк душится в берлоге - боится пошевелиться, заяц ударился бежать, все когти посорвал по терну. А кот забрал мясо, пришел к лисе, так и стали они жить. И до сих пор живут припеваючи.

КАЗАК И ЛИСА

Бежит по дороге лиса. От кургана к кургану, из куста в кусточек. Хвост к земле, нюхает поживу. Побежит, побежит - сядет, оглянется по сторонам - и снова вперед.

Добежала до станицы. Видит: возле куреня казак сидит, сапоги тачает. Увидала его лиса - шасть под кочку. Притаилась, а глаза во дворе. За плетнем куры в золе гнездятся, утки в ушате плещутся, индейки у колодца кулдыкают.

Облизнулась лиса, язык за щеку - и захромала. Подлезла к казаку и жалобно запричитала:

- Бог помощь, добрый человек.

- Куда путь держишь? - спрашивает казак,

- Иду издалека. Да со шляха, вишь, сбилась. Обходить силы нет, отвори воротца, пройду напрямик к околице. Поверил казак лисе, отложил ворота:

- Проходи, да поаккуратнее, птицу не всполоши.

- До птицы ли мне? Еле ноги волоку. - сказала лиса и поплелась, вот-вот упадет.

А казак опять за свое дело - что время терять? Кольнул шилом раз, другой - слышит, переполох птичий. «Что такое? - думает. - Кто потревожил птицу?». Подскочил к воротам, видит: через гумно наметом лиса бежит с петухом в зубах.

- Ах ты, каналья, обманщица окаянная! А лиса казаку:
- Моя хитрость меня кормит, поит, к доверчивым людям водит. Спасибо тебе, казачок, за петушка. Забегу еще - готовь курочку:

Расхвасталась лиса, обо всем забыла.

- Я те вязы скручу! - крикнул казак. И собаку на нее.

- От моей собаки ни один зверь не уходил, а ты и подавно.

Заметила лиса собаку, метнулась в сторону, да поздно. Круть-верть - не уйти, цепко держит за кабаржину собака. Тут и хитростям лисы конец, а мне - бражки корец.

КАК ЗВЕРИ СПАСЛИ ОХОТНИКА

Жил старик со старухой, и родили они себе сына. Сын подрос и начал охотиться. Выходит он однажды в путь, а навстречу ему заяц. Он хотел его убить. А заяц ему и гутарит:

- Не бей меня, Василий-охотник, я тебе пригожусь. Он зайца не убил и пошел дальше, а заяц за ним следом побег. Идут они, а навстречу им лиса, он лису хотел убить, а лиса гутарит:

- Не убивай меня, Василий-охотник, я тебе на время сгожусь. Он и лису не убил, и пошли они втроем. Вот идут они, идут, а навстречу им ведмедь. Парень и его хотел убить. А ведмедь просит:

- Не убивай меня, Василий-охотник, я тебе на время сгожусь. Ведмедя он тоже не убил. И пошли все звери за ним. Пришел Василий домой и привел зверей за собой. Так звери и стали жить с охотником. Куда он идет, туда идут за ним звери.

Вот долго Василий охотничал и задумал жениться. Женился он. Ну, живет он с молодой женою. Жил-жил и стал замечать, что жена невесела с ним. Стоит ему собраться на охоту, она сейчас же повеселеет. А до жены Василия змей приходил (оборотень тот змей был) — в человека он превращался, а когда нужно - змеем делался. Вот пошел раз Василий на охоту, а змей пришел до его жены. Пришел, и решили они с женой охотника: «Придет с охоты Василий — убить его». Пришел домой с охоты Василий. Когда он заснул, змей хотел задушить его, ну, а звери спасли охотника. Вот один раз собрался он на охоту, а зверей не взял с собой. Змей обратно приполз и начал искать его. А звери набросились на змея, он и уполз. Ушел Василий на охоту, а жена его дома сидит, и звери дома. Змей приполз и приказал жене охотника, чтобы она вырыла яму для зверей, бросила бы их в яму и накрыла большим камнем. Ушел Василий на охоту, а зверей дома оставил. Жена вырыла яму и побросала туда зверей. Навалила сверху ямы камнем большим. А сам змей пополз в лес искать охотника. Увидел парень змея и полез на дерево. Змей полез за ним. Василий лезет выше и кричит - зверей зовет. А змей ползет за ним. Василий громче стал кричать:
- Ах вы, звери мои! Неужели вы не видите, что ваш хозяин пропадает! Спасите меня!

Первый услышал заяц и потом ведмедь. А все они сидели под камнем в яме. Лиса ударилась головой об камень, да только камня не сдвинула. Тогда она подкопала норку и вылезла. Вылезла, налегла на камень и сдвинула его.

Звери выскочили из ямы и побежали на слух, где хозяин кричал. Добежали звери до хозяина, а его вот-вот змей схватит. Ведьмедь влез на дерево, вдарил лапой змея и сшиб его на землю. Упал змей на землю, а звери его и растерзали. Слез Василий с дерева и пошел домой, а за ним и звери пошли. А змей-то приказал жене охотника, когда в лес пополз искать Василия: - Если меня убьют, то найди косточку и в подушку положи, на которой спит твой муж.

Пришел муж домой, а жена стала его беспокоить: - Пойдем туда, где ты змея задавил. Ну, муж сперва не хотел, а потом жена опять беспокоит. Раз она просит, другой и третий. Вот Василий и решил испытать жену. Ну и повел он ее на то место. Пришли они. Жена потайно взяла косточку от змея, принесла домой и положила тайком эту косточку в подушку. Положила и повеселела. Охотник видит, что жена веселая, и гутарит зверям: - Смотрите, жена задумала нехорошее.

Пришла ночь, охотник лег спать, укололся и мертвым стал. Заметила это лиса, вытащила косточку - хозяин ожил. Так звери спасли своего хозяина. Охотник вывел жену в лес. Прибежали звери лютые и разорвали злую жену охотника. А он живет с теми зверями и не разлучается.

КОЧЕТОК И ОХОТНИК

Жил один охотник с женой. Звали его Иваном. Пошел он раз на охоту в лес. Шел, шел и зашел в такую гущину да глушь, что и выйти оттуда не знает как. Ну идет так-то и видит: много лесу побито, покорежено молоньей, а один дуб с корнем вырвало. Подошел до того дуба Иван и слышит:

- Иван!

Охотник дивуется: «Кто может меня тут знать?» А его снова голос кличет:

- Иван!

Глядит кругом и никого не видит, а потом как глянул на дуб, а под ним змей придавленный, большой, видать, старый. Иван и спрашивает:

- Чего тебе?

- Подрой подо мною землю, я за то тебя счастливым сделаю.

Подумал-подумал Иван, взял да и подрыл под змеем землю. Выполз змей, открыл пасть и язык высунул. Высунул язык и гутарит: - Возьми, Иван, изумрудное зерно. Как полижешь его, знать будешь, что звери разные и птицы гутарят. Иван взял изумрудное зернышко да и полизал его. Как полизал, так и стал понимать, что гутарят птицы, деревья, звери. А змей гутарит:

- Положи зернышко мне на язык. Да помни, Иван: как кому скажешь, что знаешь наш язык, - умрешь.

Сказал змей и скрылся. Иван пришел домой и молчит. Ну, живет с женой, а про тайну ни слова. Так и жил с женой Иван. Выйдет, бывало, во двор и слушает, что гутарят куры, лошади, коровы, собаки, деревья, травы разные.

А жена Ивана стала примечать, что муж со скотиной и птицей гутарит. Вот и стала она пытаться мужа, что гутарит он с птицей и со скотиной. Только он ей об том не сказывал. Гутарить-то ему нельзя было: скажет - умрет. Ну и молчал. Жена спрашивает, а он молчит. Вот раз она и гутарит:

- Какой ты мне муж? Живешь со мною, а веру-правду мне не гутаришь. Знаешь всю правду, а я не знаю. Лошадь с тобою гутарит, корова, кочет, а я не знаю. Кабы ты был хорошим мужем, так сказал бы мне. Я же тебе про все гутарю, а ты - нет. Чего же нам жить с тобой, раз ты правду от меня скрываешь!

- А что я тебе скажу?

- А вот то и скажи, ты же знаешь, что гутарит скотина

-Нет.

- Обманываешь. А когда женились, гутарил, что правду мне будешь сказывать.

- Знаю, гутарил.

- Ну вот и скажи, что знаешь.

- Я сказал бы тебе, жена, да только нельзя мне. Скажу - нам плохо будет.

- Отчего плохо будет?

- Да нельзя - умереть могу.

Вот жена охотника ноне у него спрашивает, завтра спрашивает, а Иван все крепился, не сказывал. Ну, прицепилась она до мужа: вынь да положь, что хочешь делай, да только скажи ей. Житья от жены не стало. Хоть помирай, да скажи. Думал, думал Иван да и гутарит:

- Ладно, скажу и умру после.

- Хоть умри, а скажи, - отвечает жена, - тогда поверю, что ты верным мужем был, любил меня. Иван и просит ее:

- Пойди, жена, приведи попа, я исповедаюсь, а потом скажу тебе да и умру. Она зародовалась, побегла за попом. Иван лежит на кровати и к смерти приготовился. Лежит и думает: «Вот тебе и счастье змеёво! Какое это счастье, коль о нем сказать нельзя? А скажешь - умрешь». Ну, лежит, а до него приходит кочеток. Пришел и спрашивает:

- Что хозяин, лежишь?

- Помирать хочу.

- Что ты? Знать, тебе белый свет надоел?

- Нет. Жена просит сказать ей, что я с вами гутарю, а я не могу.

Кочеток подумал, а потом отвечает:

- Эх ты, хозяин! Да кто в таком деле слухает жену? Нельзя гутарить, так и не надо. Вразуми ее. Смотри на меня, сколько у меня жен, а я им не сказываю, чего нельзя сказывать. Ты лучше возьми, хозяин, да поучи жену. Она никогда спрашивать не будет того, чего нельзя. Лежит охотник, а кочеток все его убеждает:

- Разве такое дело можно сказывать? Жена пойдет да всем скажет.

- Пойдет она аль нет, скажет кому аль не скажет - все равно мне умирать надо. Завет такой: никому я не должен гутарить.

- Раз нельзя - не гутарь, а жену поучи.

Сказал кочеток и ушел. Лежит охотник и думает: «Правду кочеток сказал, чего это я буду умирать?!» Пришла жена домой, а он спрашивает:

- Где, жена, поп?
- Да он сейчас придет. Ты бы, пока попа-то нет, рассказал все мне. Поди еще помрешь и не расскажешь. Охотник встал, пошел во двор, взял палку и начал жену учить. Поучил ее хорошо. Только с той поры жена не стала спрашивать у мужа, про что он гутарит со скотиной, птицами и зверями. Иван-то и до сей поры живет со своей женой. Умная стала, вежливая да ласковая.

ОРЕЛ И КАРГА

Летит орел до леса, а сам думает: «Где бы мне пищу найти?» Долетел до леса и видит: карга на суку сидит, да такая старая, сухая - одни перья.

Подумал он, подумал и пролетел мимо. А карга сидит на дереве и спрашивает у него:

- Куда, орел-батюшка, летишь?
- Есть, карга, захотелось. Полечу в лес, может, каких корженят найду да и поем.

Карга ему гутарит:

- Гляди, орел-батюшка, моих детей не поешь.

Орел тогда спрашивает каргу:

- А какие твои дети, карга?
- Мои дети хорошие, красивые, статные. По всему свету, орел-батюшка, таких не сыщешь. Хоть от востока до запада пролети, хоть от юга до севера, а таких уж славных нигде не найдешь!

Послушал каргу орел да и гутарит:

- Ладно, карга, я не трону твоих детей. Поищу в лесу плохих да ледащих карженят.

Полетел себе орел, а карга осталась сидеть на дереве. Сидит себе да смотрит на землю. Летал, летал орел по лесу и нашел гнездо карги. Глядит в гнездо — а в нем шелудивые корженята сидят. Взял орел да и поел их. Наелся и летит обратно, а карга увидела его и спрашивает:

- Ну что, нашел корженят, орел-батюшка?
- Нашел.
- Наелся, орел-батюшка?
- Наелся.
- А каких же ты наелся-то, орел-батюшка? Наверно, моих?
- Нет, карга.
- А каких же ты поел?
- Да каких-то шелудивых.
- Эх ты, орел-батюшка, самые мои они и есть.
- Да ты же гутарила, они у тебя красивые, самые лучшие, - ответил орел.
- Да они же дети мои, орел-батюшка, лучше их нет на свете.
- Ну, карга, я искал похуже. Прощай!

Осталась карга на дереве. С той поры она каркать стала. Каркнет, взлетит, а потом сядет на дерево и глядит в землю.

Литература

Донские казачьи сказки Ростов-на-Дону, «КСС», 2004

Меркулов Е. Посреди донской степи. Казачьи сказки, легенды, предания. 2010

